

Известно, что развитие цивилизации носит линейный характер, и если не происходит ничего из ряда вон выходящего, скачкообразные прорывы случаются крайне редко. Как бы ни была погребена история, она всегда оставляет зацепки, позволяя потомкам восстановить события прошлого. Это могут быть окаменелости, орудия из камня, меди или железа, обрывки ткани, костяная игла, простые линии на скалах или, позже, совершенные стихи, трактаты и картины — всё это по крупицам фиксирует развитие человечества.

Однако в этом мире большая часть свидетельств истории словно исчезла. Сюй Жуй находился здесь уже семь месяцев, и за всё это время он почти не слышал ни об известных древних книгах, ни о классической литературе или поэзии. Даже его семейное наследие — древняя китайская медицина — казалось, вообще не существовало: в словарях даже не было такого термина!

Вспомнив музей Города Мерцания, в котором он ещё не успел побывать, Сюй Жуй подумал о том, что, по слухам, самые старые экспонаты там датировались лишь четырьмя сотнями лет. А все окаменелости принадлежали местным доисторическим видам планеты Орога, и ничего, что отражало бы развитие самого человечества, там не было.

Да, это колониальная планета, и люди живут здесь всего четыре столетия, так что это ещё можно объяснить. Но почему, когда он подключался к главному музею Центральной планеты, вся история человечества, которую там удавалось найти, насчитывала лишь чуть более трёх тысяч лет?

Всего три тысячи лет?

Что за межзвездная шутка!

В его прежнем мире жители Китая с гордостью били себя в грудь, говоря о пяти тысячах лет истории, и это были лишь подтвержденные данные. А сколько ещё было скрыто во тьме веков? Гораздо больше пяти тысяч!

В нынешнем мире технологии развиты настолько, что человечество вышло за пределы Земли и осваивает просторы космоса, а вся история цивилизации — жалкие три тысячи лет?

Такое положение вещей можно объяснить только разрывом в летописи цивилизации. Где-то произошел слом, или по какой-то причине записи были утрачены, из-за чего историю невозможно проследить дальше трех тысяч лет назад. И за этот период было потеряно нечто бесценное, причем в огромных масштабах!

Поэтому, несмотря на невероятное развитие технологий, нынешняя цивилизация выглядела крайне уродливо. Войны и стремительная колонизация привели к тому, что военные технологии достигли невообразимых высот, но история, культура и искусство — всё, что связано с духовным миром, — словно были смертельно ранены и пребывали в упадке. Люди наслаждались плодами прогресса, но жили как дикие звери: без глубокого исторического фундамента для воспитания души, без блестящей культуры для облагораживания чувств, без

искусства, делающего жизнь яркой и одухотворенной. Даже содержание снимаемых фильмов было поверхностным и монотонным — сценарий Одиннадцати, который держал в руках Сюй Жуй, лишь подтверждал это. Он был уверен: если бы у него появилась возможность заглянуть в библиотеку, вывод был бы тем же.

Здесь невозможно было сидеть на стоге сена и слушать сказки предков, нельзя было с выражением читать изящные стихи и прозу. Не было Да Винчи, Микеланджело, Шопена, Бетховена. Не было Хуа То, Ли Шичжэня, Чжан Чжунцзина. Люди не могли отличить сушеную цедру от свежей кожуры апельсина, никто не знал, что такое древняя китайская медицина, и даже приличное блюдо никто приготовить не мог!

Боже мой! Осознав это, Сюй Жуй ощутил глубокий, искренний ужас. Как вообще живут люди в этом мире? И самое страшное — похоже, мало кто это осознавал. По крайней мере, широкие массы даже не понимали, чего они лишены. Только он, пришелец из другого мира, проживший две совершенно разные жизни, мог сразу осознать, какие невероятные сокровища были утрачены.

Сюй Жуй пробрала дрожь. Впервые он почувствовал, как страшно осознавать, что все вокруг спят, а ты один бодрствуешь.

Он тряхнул головой, не решаясь углубляться в эти мысли: пропасть была слишком глубокой — оступишься и не выберешься. Он заставил себя вернуться к реальности, решив, что для него сейчас куда важнее заработать на жизнь, играя роли в массовке. Такие великие задачи, как поиск утраченной истории, пусть решают ученые этого мира, а не такой мелкий человек из низов, как он.

Да, именно так!

Когда Сюй Жуй, приняв решение, снова поднял голову, он невольно смутился. Оказалось, пока он был погружен в сценарий Одиннадцати и свои бесцельные размышления, все остальные претенденты на роли в массовке уже разошлись, и он остался стоять в полном одиночестве.

Да чтоб меня!

Никогда не стоит слишком глубоко уходить в свои мысли... Сюй Жуй поморщился и потянулся к кнопке лифта, чтобы вызвать его обратно, ведь он понятия не имел, на каком этаже тот сейчас находился.

В этот момент его мысли снова невольно потекли в сторону: интересно, а кнопки лифта здесь такие же, как в том мире... Функции те же, и нет никакой странной высокоинтеллектуальной системы, которая начала бы с тобой болтать. А что, если бы при нажатии лифт спросил: Сэр, на какой этаж вы желаете отправиться? Хотите ехать быстро, медленно или не слишком быстро и не слишком медленно? Или, может, вы желаете испытать ощущение невесомости?

Сюй Жуя передернуло от этой мысли.

Впрочем, высокотехнологичный мир всё же сильно отличался: лифт приехал очень быстро. Это вам не старые кабины, которые вечно ползали как черепахи, да ещё и скрипели тросами так, словно вот-вот сорвутся в шахту.

Увидев, что двери открылись, Сюй Жуй сделал шаг вперед, но, едва успев поставить одну ногу внутрь, услышал позади голос:

— Подождите!

Сюй Жуй инстинктивно замер, не перенося вторую ногу, и повернул голову на звук. Взглянув на говорящего, он остолбенел.

И было от чего. Человек, которого он увидел, произвел на него самое сильное впечатление из всех, кого он когда-либо встречал в обеих своих жизнях.

На вид мужчине было около тридцати, рост примерно метр девяносто четыре, телосложение крепкое и статное. Хотя одежда скрывала подробности, по тому, как широкие плечи натягивали ткань, можно было не сомневаться: фигура у него была близка к идеалу.

Коротко стриженные темно-золотистые волосы торчали вверх, словно стальная проволока, придавая голове вид ежика. Лицо, частично скрытое темными очками, было узким и волевым, словно высеченным из камня. Гладкий лоб, брови, изогнутые над выступающими надбровными дугами, напоминали уверенные мазки кистью — блестящие, густые, с заостренными концами, они придавали лицу дикий, хищный вид. Прямой, жесткий нос с четкими линиями делал лицо невероятно рельефным. Расстояние от носа до губ было идеальным — ни больше ни меньше. Чуть широковатый рот с тонкими, сексуальными губами, которые были плотно сжаты, выдавал твердый и решительный характер. Красивый подбородок с очаровательной ямочкой посередине, легкая синеватая тень от тщательно подстриженной щетины и пушистые бакенбарды — всё это вместе создавало облик, от которого захватывало дух.

Да, это был зрелый, красивый мужчина, вызывающий у всех остальных самцов лишь жгучую зависть.

Что еще больше раздражало, так это его манеры и мощная аура. Когда он стоял неподвижно, то казался элегантным и гордым аристократом с многовековой родословной, но стоило ему двинуться, как он становился стремительным и резким, словно могучий лев-самец в саванне — он смотрел на тебя свысока, презирал тебя и держал на прицеле, готовый в любой момент совершить смертельный прыжок.

Когда свет падал на его профиль, он казался почти божественным, окутанным легким сиянием. От него исходил холод, делавший его облик величественным, но неприступным. Даже глядя издали, можно было почувствовать этот ледяной поток, от которого перехватывало дыхание.

Он был настолько выдающимся, что рядом с ним даже не возникало желания сравнивать себя — только глубокое чувство собственной никчемности. Сюй Жуй сейчас чувствовал именно это: ему хотелось найти большую коробку, упаковаться в неё и отправить себя обратно в свой мир, чтобы там, обняв дедушку за колено, рыдать: Деда, ну разве можно быть таким мужчиной? Это же просто лишает нас, остальных, всякого смысла жизни!

Внутренне обливаясь слезами и собирая по кусочкам раздавленную самооценку, Сюй Жуй с каменным лицом наблюдал, как мужчина, который был на полголовы ниже того красавца, прошел вперед и произнес:

— Пожалуйста, подождите.

<http://bllate.org/book/21769/2251190>